

МОЖНО ЛИ ДВОЕЧНИКУ И ДЕБОШИРУ ПОМОЧЬ ВЗЯТЬСЯ ЗА УМ

Евгений Олегович Пятаков,
психолог

Ольга Михайловна Новосадова,
директор по персоналу ООО «Технологии и Системы Защиты»

Елена Ивановна Николаева,
доктор биологических наук

В моей практике этот юноша оказался по-своему уникальным. И до него мне приходилось работать и с умными разгильдяями, и с «правильными по жизни» ребятами, не позволявшими себе глупостей, и с рефлекслирующими юными интеллигентами, блуждавшими в лабиринтах собственных нечётких идей, и с матёрыми циниками, которых «воспитывать бесполезно — они сами, кого хочешь, перевоспитают». Но так, чтобы всё соединилось в одном лице...

- подростки • родители • школа • проблемы взаимоотношений • ценности
- жизненные установки

В общем, мне повезло трижды. А именно: я встретился с таким человеком, встретился вовремя — пока он не забыл себя прежнего — свой образ мыслей, желаний, и я получил согласие покопаться в его прошлом и настоящем.

Ну а теперь подробно и по порядку: наш главный герой — Дмитрий Смойкин. До недавнего времени, лет до 14, это был пример русской поговорки «Умная голова, да дураку дана». Отчаянные попытки родителей (отец по образованию педагог-психолог), учителей, репетитора как-то повлиять на него к успеху не приводили. Парень был непослушный и при этом умный, эрудированный, с аналитическим складом ума. Однако весь свой ум пускал на то, чтобы «отбрыкаться»

от попыток наставить его «на путь истинный». Казалось, повлиять на него невозможно. Объективно над ним уже «сгустились тучи», которых он упорно не замечал. И вдруг... парень изменился... Сам. Перестал валять дурака, наладил отношения с близкими, всерьёз взялся за учёбу. Что «щёлкнуло» в его голове? Почему? Можно ли извлечь из опыта Дмитрия что-то полезное для педагогов, психологов, родителей? Ради ответов на эти вопросы я и предложил молодому человеку (уже 16-летнему) пройти интервью. К счастью, он согласился.

Интервью с Дмитрием Смойкиным

Евгений Пятаков: Твои фамилия, имя, отчество, возраст, где ты учишься?

Дмитрий: Смойкин Дмитрий Дмитриевич, 16 лет, Московский полиграфический колледж.

Е.П.: Два года назад ты был тем, кого принято называть «разгильдяем». Но затем, что называется, «взялся за ум». Расскажи подробнее, каким ты был, когда ты изменился?

Д.С.: Разгильдяем я был до 14 лет. Я был никем. Примерно так могу это охарактеризовать. Я смотрел на всё очень шаблонно и контрастно: вещь была хорошая и была вещь плохая. Для меня не было таких понятий, как «ситуация», «особое стечение обстоятельств».

Е.П.: Приведи пример жизненной ситуации, и как ты её видел в контрастном виде.

Д.С.: Ну, допустим, я приходил из школы. У меня было домашнее задание, долги или ещё что-то по учёбе. И было желание ничего не делать, развлекаться. И для меня было так: учёба — плохо, учёба — не надо, развлекушки — здорово. Ну, и приоритет был понятен — в том моём состоянии.

Е.П.: Что изменилось сейчас?

Д.С.: Принципиально изменились мои жизненные позиции во многих вопросах. Например, в отношении религии. В то время я был не просто неверующим человеком — я был богохульником в самом прямом значении этого слова. Я мог сказать какую-нибудь гадость про религию, оскорбить верующего. Дескать: «Так тебе, дурак, и надо! Нечего в такую чушь верить».

Это сейчас я понимаю, что оскорблять нехорошо. Как минимум, с точки зрения моральных качеств. Это элементарно неприлично.

Е.П.: В чём изменилось твоё отношение к сверстникам?

Д.С.: Честно говоря, отношение к сверстникам у меня с тех пор не особо поменялось (*ироничный смех*). Конечно, это относится не ко всем. И к сверстникам, и, часто, к взрослым людям у меня такое отношение: если я вижу у человека какие-то недостатки, у меня это камнем лежит на душе, поскольку я понимаю, что человек делает очевидную глупость. А так как большую часть таких глупостей я в своей жизни преодолел, меня раздражает: почему человек не может сделать то же самое? Моё жизненное

кредо в большинстве жизненных ситуаций сводится к тому, что если смог я, значит, сможет любой.

Е.П.: А отношения с родителями, с учителями, поменялись?

Д.С.: Поменялись, и достаточно радикально, поскольку стало куда меньше конфликтов на ровном месте, то есть я больше не могу поссориться ни с отцом, ни с матерью, ни с учителем, если только у меня не возникают заранее какие-то обоснованные поводы. И всё заканчивается тем, что обе стороны принимают какую-то общую обоснованную точку зрения.

Е.П.: Можно ли сказать, что это связано с тем, что у тебя просто элементарно «успокоились гормоны», ты поумнел, или что-то изменилось в самих жизненных установках, ценностях?

Д.С.: Мне кажется, и то, и другое, и третье. Два года назад я искренне не верил в гормоны. Точнее, считал, что все эти разговоры про «гормональные бури» — не более, чем отговорки. Просто человек не желает меняться. И он так успокаивает, в большей степени, самого себя. Поскольку принять это ему трудно. Сейчас, глядя на себя прошлого, я понимаю, что это всё-таки был «проблемный возраст». И проблемы во многом были связаны с тем, что я не понимал простого факта: человек с таким мировоззрением, как у меня, не может существовать как Человек. У него нет ни желания учиться, ни желания достойно существовать. У него есть просто желание жить сейчас, и не более.

Е.П.: Как изменилось твоё отношение к собственному будущему? В чём заключались эти изменения?

Д.С.: Как минимум, в том, что сами мысли о будущем появились, поскольку в то время я не имел никакого представления

о своём будущем. Жил каждый день не то чтобы «как последний». Просто жил, и всё. Не планировал ничего.

Е.П.: Уточни, пожалуйста: жизнь тебе казалась очень скучной — или что?

Д.С.: Она была скучной, потому, что я ничем не занимался и абсолютно ничем не увлекался. У меня ничего, кроме учёбы, не было. Скажем, домашнее задание, которое можно сделать за 40 минут, я «бодяжил» до ночи. Иногда до двух-трёх часов не спал, потому что не мог сделать контурную карту, и относился ко всему этому небрежно. И когда родители пытались меня контролировать, у меня была достаточно «скотская» логика. Я думал про себя так: «Ну, давай-давай! Посиди со мной. Тебе ещё с утра на работу вставать в семь часов, а ты тут со мной до ночи сидишь».

Е.П.: Чем твоё отношение к будущему сейчас отличается от того, что было прежде?

Д.С.: У меня появился самоконтроль. Теперь я планирую и думаю, что делаю или что собираюсь делать. Представление о будущем сложилось за прошедшие полтора года, поскольку я начал размышлять, куда пойду учиться, как буду учиться, как планирую устроить свою последующую жизнь после учёбы. Если раньше я учился в школе и думал: «Ну, вот, учусь я учусь, а дальше будь что будет», то в последний год в школе появились такие мысли: «Я доучусь, пойду в техникум, техникум закончу — найду себе работу, и буду заочно получать высшее образование».

Е.П.: Теперь самый главный вопрос: что заставило тебя начать менять свою точку зрения? Были ли какие-то конкретные события, которые тебя к этому подтолкнули?

Д.С.: Был яркий случай. Меня тогда фактически выгнали из школы. Во-первых, у меня была неуспеваемость. И, во-вторых, была конфликтная ситуация с одним из учащихся.

И тогда я понял: даже если я и прав, но я двоечник и дебошир, то есть никто. И никого моё мнение не интересовало. И нельзя быть человеком просто потому, что ты родился и всё. Я понял, что Человеком нужно стать. И других людей интересует только мнение Человека. Если я хочу хотя бы минимальной справедливости по отношению к себе и, я надеюсь, к другим, то я смогу её добиться. Но для этого мне надо иметь хоть какой-то вес в обществе. А если ты ничего собой не представляешь — никакого образования, ни заслуг, то не надо ждать, что к тебе будут относиться всерьёз.

Е.П.: А мог бы ты рассказать поподробнее, как на тот момент ты определил для себя, что значит «иметь вес»? Да, и ещё один момент: вариант ответа, что для «веса» нужны большие деньги, давай сразу отложим. Ведь ждать, что на тебя вдруг сразу «свалятся» большие деньги, наивно. «Богатого американского дядюшки» у тебя нет. А значит «вес» нужно будет приобретать как-то иначе.

Д.С.: В чём «вес»... О! Вот как раз сейчас, после этого вопроса, я вспомнил один важный момент: самое главное отличие меня нынешнего от меня прежнего. Тогда я не мог сказать ни одного предложения, чтобы не соврать. Я врал просто на подсознательном уровне, механически. Даже если хотел сказать правду. А сейчас я стараюсь... впрочем, надеюсь, что не просто «стараюсь», а так оно и есть — говорить только правду в любой ситуации. Потому что я теперь понимаю: ложь, она спасает от маленького конфликта, но приводит к гораздо большему.

Е.П.: И как ты к этому пришёл: чисто логически, было какое-то интуитивное озарение, или что-то ещё? Скажем, жизнь «ткнула»...

Д.С.: Ну, до чего-то я и сам доходил, во что-то и жизнь «ткнула», точнее, я сам себя «ткнул». Например, меня

спрашивали: сделал ли я что-то? Хорошо ли у меня всё? Я говорил: «Да, у меня всё здорово». Сам продолжал ничего не делать. А потом, когда доходило до конца четверти или до конца учебного года, оказывалось, что у меня неаттестация по половине предметов. Пожалуй, по большей части, я «нынешний» — это попытка стать похожим на отца. И, если возможно, стать лучше своего отца.

Е.П.: Скажи, пожалуйста, а какие отцовские качества ты хотел бы сделать своими?

Д.С.: Самое любимое качество в моём отце, которое я активно перенимаю, это убеждённость в том, что нельзя позволять другим помыкать тобой, то есть надо осознавать, что ты Человек. Что у тебя есть своё мнение. Ну, конечно, главное, чтобы это мнение было адекватно, обосновано, и ты мог его отстаивать.

Е.П.: А каким образом отец оказал влияние? Это просто личный пример, или личные беседы, дискуссии. Что?

Д.С.: Да, дискуссии, споры были. Я уже говорил, что отец со мной сидел и до двух ночи, и до трёх. Хотя ему надо было рано вставать на работу, и он мог просто на меня «забить». И у меня по английскому был репетитор, которому я очень благодарен. Человек ради меня ездил через пол-Москвы, несмотря на слабое здоровье. На тот момент мне, конечно, было на это плевать. Только сейчас я понимаю, насколько много эти люди для меня сделали. Хорошо, что они не отказались от меня! Какое вам до меня дело? — и как только я добился того, что на мне «поставили крест», я понял весь ужас всей той ситуации. Я понял, что мне наплевать на себя. И я заставляю других плевать на себя. Я понял, что я — никто. Меня это сильно «зацепило», когда я понял, что моё мнение никого не интересует... Тем более, что у меня его нет.

Е.П.: Давай-ка я попробую сделать кое-какие выводы из сказанного, а ты их подтвердишь, поправишь или опровергнешь. Итак, можно ли сказать, что ты на тот момент стоял в такой своеобразной позиции... назовём её условно позицией «психологического вампира»? Те-

бя долго «накачивали», потом резко перестали, и ты вдруг почувствовал духовный... и прочий «голод»... И это заставило тебя переосмыслить...

Д.С.: Ты сейчас сказал очень хорошую вещь. Я возьму это себе на заметку. Дело в том, что на протяжении всей своей жизни «вампиризмом» я очень страдаю. Поскольку мне очень приятно видеть, что человек испытывает по поводу меня любые эмоции. Всё равно какие. Мне приятно осознавать, что это происходит именно из-за меня. И когда я понял, что на меня уже давным-давно никто не злится, никто не радуется, я испытал этот «энергетический голод». Удовлетворять этот голод, вызывая сильные эмоции окружающих к себе, я не мог, поскольку к тому моменту уже переполнил «чашу их терпения». И я решил что, так сказать, бездонный источник эмоций других по отношению ко мне, это просто стать хорошим.

Е.П.: Теперь я задам тебе несколько странный, по-своему фантастический вопрос, но ты постарайся на него ответить, так как он очень важен. Итак, представь, что после этого нашего разговора ты попадаешь в иную — параллельную реальность. Там почти всё, как у нас, но она немного отстаёт по времени. Ты видишь там самого себя — прежнего «лоботряса», плюющего на все усилия своего отца. И видишь отца. Но этот отец № 2, скажем так, чуть-чуть слабее духом, чем твой реальный. И ты видишь, что ещё чуть-чуть, и он «забьёт» на своего сына, твоего двойника. Гораздо раньше, чем это сделал (почти) твой реальный отец. Что бы ты сказал тому отцу?

Д.С.: Ну, я бы точно сказал, чтобы он не сдавался, чтобы он верил в своего сына... Несмотря ни на что. Вообще, считаю, что родители должны *верить* в своих детей, даже если те издеваются, не слушаются... И тогда, скорее всего, рано или поздно, дети изменятся...

Е.П.: Можно ли сказать, что родителям, которые, подобно твоему отцу, «бьются» за своих детей, иногда кажется, что все их усилия впустую? Что дети не меняются и никогда не изменятся. Хотя на самом деле, это не так. Усилия даром не пропадают. Результаты накапливаются у детей где-то глубоко внутри, незаметно. Долго, по чуть-чуть. Но, в конце концов, количество переходит в качество. До детей «доходит», и они прозревают. И понимают, что в чём-то родители были правы.

Д.С.: Ну да, так и есть.

Е.П.: Кстати, в прошлых разговорах ты как-то обмолвился, что отец сильно помог твоему музыкальному образованию.

Д.С.: Да, отец мне сильно помог не до конца деградировать. К тому моменту, когда я столкнулся с музыкальной культурой своих сверстников, у меня уже был свой сформировавшийся вкус к музыке. Я предпочитал необычные для своего возраста группы «ДДТ», «Аквариум», рок-н-ролл 70–80-х годов.

Е.П.: Теперь ещё один очень сложный вопрос: как ставить «на место» мозги «вашему брату», 14–16-летним, которые всё ещё пребывают в состоянии «пофигизма» и «раздолбайства»? Нужны конкретные шаги. Что делать, чтобы заставить быстро поумнеть? Может, разговаривать чаще «по душам», или часто «давать по мозгам»?

Д.С.: Я считаю, далеко не каждого «разгильдяя» можно, в принципе, спасти. Единственное, что точно должны делать родители, это ни в коем случае не опускать руки. Но и, с другой стороны, никто не поможет тебе, если ты не поможешь себе сам. Если человек сам не одумается, никто ничего с ним не сделает.

Е.П.: А можно ли *создать* какие-то поводы, события, которые заставят человека одуматься? Для кого-то помягче, для кого-то жёсткие.

Д.С.: Ну, что касается лично меня, то меня никогда в жизни физически не наказывали. Вообще никогда. Но давление словесное очень сильно присутствовало. Лично для меня это было куда болезненнее, чем физическое наказание. Я имею в виду, что когда тебя «тыкают носом» в то, что ты сделал...

Е.П.: Ты имеешь в виду «тыкают» в последствия того, что ты сделал?

Д.С.: «Тыкают носом» это если ты набе-докурил, а тебе говорят: «Ну как же так? Как ты до этого докатился? Смотри, что произошло!». И когда тебе это говорит посторонний человек, тогда осознаёшь, что это заметно и другим. Заметна эта твоя проблема. А проблемы надо решать.

Е.П.: Как ты думаешь, а можно ли что-то сделать, чтобы ускорить этот процесс осознания? Чтобы человек поскорее понял, что у него проблема. Не радикально, конечно, не махнув рукой на сына или дочь и дождавшись, когда их выгонят из школы. Можно ли создавать искусственно какие-то события? Например, ситуации явного неуспеха, когда для человека для самого станет ясно, что он был неправ...

Д.С.: По-моему, чем хуже ситуация, чем она становится безысходнее, тем сильнее должно быть чувство страха перед будущим. Вернее, перед его отсутствием.

Е.П.: Как родители могут это сделать: «капать на мозги», орать, спокойно разговаривать или всё попеременно? Как они могут вызвать у ребёнка ощущение, что в его жизни появилась опасность, с которой ему надо бороться или предотвращать?

Д.С.: Орать? Ну, это можно понять, если ты находишься на каком-то «эмоциональном пике». Любая агрессия должна быть исключена. Когда начинается агрессия, человек перестаёт воспринимать это как попытку помочь ему.

Е.П.: Хорошо, это «как не надо». А как надо? Какие варианты можешь предложить?

Д.С.: Самое главное, надо иметь много контактов с собственным ребёнком. Но, опять же, не надо «перебарщивать».

Е.П.: А вот границы — как определить? Как понять, когда надо «сбавить обороты»? Ведь некоторые дети, наоборот, жалуются, что родители слишком навязчивы...

Д.С.: Да, я опять же говорю, что в этом нужно не перебарщивать, потому что если ты контролируешь каждый шаг своего сына или дочери, это, естественно, начинает их раздражать. И они, опять же, в попытке помощи начинают видеть некое нападение.

Е.П.: Ну, а конкретнее, как понять, как надо «дозировать»...

Д.С.: Я думаю, это понимание должно быть на подсознательном уровне. Человек должен понимать, что одно дело, когда вы спрашиваете свою дочь, куда она собирается вечером с друзьями идти. Это естественное родительское волнение. И если у вас есть подозрение насчёт сомнительных компаний, это нужно запрещать в любом случае. Пусть лучше ваш ребёнок будет ненавидеть вас, чем с ним произойдёт то, что с ним может произойти. Надо разделять, когда очевидно нужен контроль, и когда ты начинаешь «на ровном месте входить в паранойю». Нельзя вводить тотальный контроль. Надо всегда знать, чем твой ребёнок интересуется, всегда знать, какие у него друзья. Вот, опять же: *всегда-всегда-всегда...* Каждый раз, когда вы присутствуете на каком-нибудь родительском собрании, или видите окружение своего дитя, надо обязательно спросить, как кого зовут. Надо иметь представление об окружении своего ребёнка и о том, есть ли там какие-нибудь потенциальные «разлагатели».

Е.П.: Так, положим, ты замечаешь, что в окружении твоего ребёнка есть такие «разлагатели», но он от них «тащится», они его чем-то восхитили. Как ему объяснить, что они, скажем, могут быть дворовыми бандитами или агентами от наркомафии?

Д.С.: Я считаю, нужно приводить примеры из жизни: «Вот, у нас есть знакомый, и с ним случилось такое-то несчастье». И рассказывать, что он оказался в такой же ситуации, и посту-

пил так же, как ты хочешь поступить сейчас. И произошло то-то и то-то. И можно даже как-то это связать с тем, что у него до сих пор шрам на руке остался...

Е.П.: И это на «вашего брата» действует?

Д.С.: Лично на меня это бы подействовало, потому что когда тебе такое говорят, ты не пропускаешь это мимо ушей. И даже если ты всё равно прослушаешь и уйдёшь к своим «крутым» друзьям, так как ты хотел с ними дружить, это уже будет «что-то не то»...

Е.П.: Образно говоря, нужно «посеять зерно сомнения»?

Д.С.: Да! У человека от этого какой-то подсознательный страх появляется, что с ним произойдёт то же самое, что и с героем рассказа.

Е.П.: Ты сказал, что тебе помог страх. Как он проявлялся?

Д.С.: Страх... это было осознание того, что в той жизненной ситуации, в которой я тогда находился, у меня нет никакого потенциала ни на что — абсолютно.

Е.П.: А как он у тебя родился? Тебе задали какие-то вопросы? Или ты сам понял? Или к психологу пошёл?..

Д.С.: Да любые варианты. Я просто и сам лично об этом задумывался. Главное — *задумываться*. Потому что если человек не задумывается, то это «потерянный» человек.

Е.П.: Следующий вопрос. Вспомни мою давнюю беседу с тобой¹. Я тогда не просто задавал тебе «шаблонные» вопросы, которыми часто «грузят»

¹ Эта беседа произошла двумя годами ранее, когда отец Димы, уже отчаявшись, попросил меня поговорить с его сыном.

родители и учителя: «Что ты думаешь о своём будущем?». Я тебя буквально «долбил» уточняющими вопросами, чтобы ты не мог уклониться, увильнуть, отделаться «шаблонными» ответами. Я пытался заставить тебя задуматься всерьёз. Поэтому спрашивал: «А почему ты думаешь, что твоё будущее будет таким? А с чего ты взял, что с твоим отношением к учёбе и труду у тебя это получится?». Тебе это как-то помогло?

Д.С.: Честно говоря, тогда я разговоры с тобой пропускал «мимо ушей». Но потом, когда ты ушёл, у меня в голове возникла такая мысль: «Человек, с которым мы давно не виделись, из-за меня приехал сюда, чтобы со мной побеседовать. Я понял, что этот человек приехал явно не просто так. Я понял, что людям за меня страшно. А если людям за меня страшно, значит, со мной что-то происходит. И то, что происходит, это «не фонтан».

Е.П.: Так, а вот что сделать с девушкой, чтобы «поставить ей голову на место»?

Д.С.: Девушки «разлагаются» куда быстрее. Такое моё мнение. Но парни сильно умнее девушек.

Е.П.: В чём это проявляется?

Д.С.: Это проявляется в том, что... Если парень, в основном, *просто* наплеватьски относится к своей жизни, то девушки «разлагаются» не только физически: алкоголь, курение, плохая компания. Они «разлагаются» морально. Ну, что такое плохая компания и алкоголь — это понятно. И чем это кончается, тоже. Так вот, когда *это* происходит, человек либо не придаёт этому значения, либо он, оценив весь ужас происходящего... произошедшего... В общем, всё становится ещё хуже, потому что с этого момента в большинстве случаев человека уже не спасти, потому, он начинает замыкаться в себе. И он доходит до той стадии, когда понимает, что дошёл до чего-то низшего. И что касается парней, то всё просто.

Нужно просто интерес проявлять к сыну, чем он занимается... А вот за девушками нужен тотальный контроль.

Е.П.: Теперь представь, что ты встретился в первый раз с группой ровесников. Ты с ними пообщался и понял, что кого-то из них надо буквально спасать, а кого-то можно оставить в покое. Какими качествами должен обладать человек, чтобы тебе стало ясно, что его надо спасать? (Я не говорю про явный алкоголизм.) А какими — тот, за которого можно не беспокоиться? Насчёт которого можно быть уверенным, что он просто пока дурачится, но потом точно «выстоит», поумнеет...

Д.С.: Ну, люди, которые *явно* нуждаются в спасении, по моему мнению, таких людей уже не спасти... Потому, что этот человек находится на такой финальной стадии, когда к своим 14–15–16 годам он выглядит и ведёт себя точно так же, как и в 30, и в 40, и в 60 лет. Единственное, что у него становится другим, — это состояние организма.

Е.П.: Ну, положим, действительно, есть такие, кого спасать бесполезно. Но всё же есть и такие, которых ещё можно и нужно спасти. Попробуй всё-таки вспомнить, подумать. Как их можно узнать? По каким признакам? Может быть, по жизненным установкам, интересам?

Д.С.: Жизненные установки у таких людей всегда очень «животные». Таких людей интересует только «глушение» своих «хотелок». Ни о каких взаимопомощи, милосердии, добродетелях речь не идёт.

Е.П.: Можно сказать, что для родителей это очень тревожный сигнал, если они видят, что у ребёнка одни «хотелки». Но даже у таких «запущенных» есть что-то святое, к примеру, их родители.

Д.С.: Да. Они отказываются рефлексировать, сколько неприятностей, сколько боли, сколько негативных эмоций приносят родителям своим поведением. Но если

хотя бы чуть-чуть оскорбить или неуважительно затронуть при них их родителей — они тебя просто убьют. Родители — святое.

* * *

На этом я прерываю цитирование интервью, поскольку наш дальнейший разговор ушёл в сторону от основной темы. Скажу только, что мы обсуждали проблему, насколько школа эффективна в воспитании подростков. По мнению Дмитрия, в идеале, самое эффективное воспитание дают гуманитарные науки, литература. Но только в том случае, если учителя по-настоящему вкладываются в свой предмет — организуют с ребятами дискуссии на нравственные темы. А это такая редкость сегодня...

О школьной психологической службе Дмитрий отозвался скептически...

А теперь послушаем мнение специалистов.

* * *

О.М. Новосадова

Мальчики растут трудно...

С огромным интересом прочитала интервью. Такие разумные, мудрые рассуждения Димы. Думаю, что семья этого юноши замечательная. В наше время мало отцов занимается детьми, сыновьями, а здесь такой пример.

У каждого человека свой темп развития: некоторым детям ничего не надо говорить, они с младенчества разумны, надёжны, ответственные, трудолюбивы, боятся огорчать своих родителей. Но подавляющее большинство должно пройти огромный путь становления своей личности. Возможно, что-то происходит с лобными долями, возможно, нарушение гормональной системы, а может, комплекс причин? Неукротимые, с самостоятельным мышлением дети тяжело растут для родителей, но вырастают отличными создателями и хорошими отцами.

В неполных семьях мальчики растут трудно. Между тем в семьях с положительными отцами мальчику непросто соответствовать высо-

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

ким критериям. Интересно, что Дима практически не упоминает маму. Значит, его отец — «гиперпапа».

Полностью согласна с Дмитрием, что родители должны верить в своих детей. Более того, детей надо любить. Часто прекрасные, «правильные» родители заняты собой, своей работой, собой в работе. А дети ждут внимания. У всех людей разная потребность в любви и проявлении этой любви. Зачастую детский нигилизм — это бунт против невнимания взрослых. Хорошо учить детей играть в шахматы. Прекрасный способ развивать стратегическое мышление, понимание, к чему приводят твои шаги и действия.

Дмитрий даёт отличный анализ поведению девочек. Действительно, с девочками всё значительно сложнее.

И что делать с этими детьми? Только любить. Но любить бесконечно, разумно, терпеливо, а не эпизодически, скупо, по остаточному признаку. Но и ребёнок должен понимать, что мир не крутится только вокруг него, ведь завтра он выходит в большую жизнь, где не все будут терпеть его выходки. Где он сам должен будет терпеть выходки других.

* * *

Е.И. Николаева

Обучаться можно лишь через ошибку

Подростковый возраст — время, когда в кровь выбрасываются половые гормоны, превышающие предыдущий уровень в 1 000 раз! До этого организм находится в гипореактивном состоянии, когда любой стресс вызывает пониженную реакцию стрессовых систем организма. В подростковом возрасте гипореактивность заканчивается. С одной стороны, возникают мощнейшие эмоциональные реакции, которые подросток сможет

сдерживать только в том случае, если ранее научен этому и у него есть волевые навыки (которые появляются исключительно при обучении взрослым до 6 лет). С другой стороны, половые гормоны на осознанном уровне формируют ощущение взрослости и самодостаточности. Подросток чувствует себя взрослым, но проявляет взрослое поведение только при условии, что кто-то научил его ответственности, трудолюбию, планированию своих действий. Если этого нет, то формируется желание закрыться от нудных требований взрослых.

Итак, подростковый возраст — это не вымысел учёных, это реальные изменения в организме ребёнка, которые вскрывают проблемы, не решённые на более ранних этапах его развития. Одну из этих проблем очень точно отрефлексировал Дима: «Тыкать носом», это если ты набедокурил, а тебе говорят: «Ну как же так? Как ты до этого докатился? Смотри, что произошло!». Это уже ошибки тех, кто учит ребёнка. Мальчик же говорит об этом с пониманием — он не осуждает взрослых. Он принимает такой способ общения, как должное.

Психологи знают, что обучаться можно лишь через ошибку. Чтобы, ошибаясь в очередной раз, ребёнок сохранил пыл любознательности и желание учиться, взрослые не должны «тыкать носом» — ни дома, ни в школе. При совершении ошибки необходимо спокойно показать, в чём она состоит, и показать верное действие, возможно, повторив несколько раз тихим голосом, возможно, рассказав, как вы сами когда-то в этом месте сделали ошибку. Можно использовать юмор, но недопустим сарказм, подчёркивание ошибки дополнительной издёвкой в голосе. После всех этих «тыканий носом» учиться не хочется, ребёнок вообще отказывается от обучений и действий. Это и происходит с подавляющим числом учеников ещё до пубертатного периода. Проблема в том, что, привыкнув к этому «тыканию носом», они и своих детей обучают

подобным образом, отбивая любознательность и стремление познавать мир.

Но, совершая ошибки в один период, взрослые могут компенсировать их своими самоотверженными действиями в более поздний период. Так поступил отец нашего собеседника. Жизнь с подростком — жизнь на вулкане. Основная задача взрослых в это время состоит в том, чтобы «оставаться на связи»: постоянно говорить. Говорить не о том, как жить, а пытаться понять действия ребёнка и помочь ему преодолеть трудные ситуации. Ребёнок до 12 ночи не сделал карту, которую нужно иметь к завтрашнему дню. Отец не читает нотации о том, что всё нужно делать вовремя. Он садится с сыном, и они вместе делают. У сына возникает злорадная мысль, что отцу завтра будет плохо, ведь нужно рано вставать. Но ведь он сам сказал, что даже самые опустившиеся подростки не спустят другим людям, если они скажут что-то обидное об их родителях. На родителей можно обижаться, но нельзя подумать, что они плохие. Потому что наша самооценка состоит, в том числе, из нашей оценки наших родителей. Пока наши родители хорошие, мы тоже хорошие. Подросток может вести себя хамски по отношению к ним. Но это лишь поведение. И чтобы научиться, вести себя иначе, нужно, чтобы этому кто-то научил. Иногда этому больно учит гибель одного из родителей.

Практически все «взрослые мысли» Димы — очевидно, повторы того, что говорили родители. Оттолкнувшись в подростковый период от нас, наши дети приходят к нам: привычным, уютным и понятным.

Именно поддержка взрослого в тот момент, когда подросток будет к этому готов, приведёт к тому, что ребёнок вдруг внезапно изменится. Помните, как Диму задело то, что он понял, что другим наплевать на него. И так ценно было внимание отца в середине ночи. И он пил это внимание, как вампир, потому что

знал, что это единственный источник. И осознание этого было одним из моментов перехода к новому видению себя и своего места в мире.

И вновь наш собеседник очень точно рефлексирует по поводу того, что должно произойти, чтобы изменения начались. Это явление многократно описано: должны возникнуть страх перед будущим и понимание, что ты сам его делаешь — никто другой.

...В своих воспоминаниях 80-летний К.Г. Юнг описывает себя подростком. Он возвращался из школы, его нечаянно задел мальчик, маленький Юнг упал, больно ударился и у него случился припадок. Далее, как только он брался за книги, возникали припадки. И у Юнга наступило прекрасное время, когда он гулял, развлекался, не ходил в школу. Однажды он случайно услышал разговор отца с другом, который интересовался здоровьем сына. И ошеломлённый мальчик услышал откровение отца: тот истратил все деньги на лечение сына, а потому с ужасом думает о том, как тот будет жить, когда отец умрёт.

Юнг пришёл в кабинет отца, взялся за латинскую грамматику. Тут же случился припадок, мальчик пересилил себя и продолжил учёбу. Через пять минут возник второй припадок. Мальчик пережил его и продолжил читать дальше. Больше припадков не случилось никогда. Он стал учиться в школе. А потом продолжил учёбу и далее. Всю оставшуюся жизнь он лечил неврозы у людей, которым не удалось испугаться в подростковом возрасте.

Испуг должен прийти внезапно, как осознание, что есть будущее. И в будущем ты либо будешь тем, кого слушают, либо тем, кого отказываются слышать даже близкие (как точно

сказал наш собеседник). Почему именно испуг, а не всё то же объяснение ребёнку, что за своё будущее отвечает он сам? Потому что у большинства подростков за плечами жизнь, в которой родители постоянно подчёркивали, что они отвечают за ребёнка, а потому именно они определяют, в какой детский сад он будет ходить, какие дополнительные занятия посещать, какой язык изучать в начальной школе и когда всё это делать. Молодой человек, откровения которого позволяют нам понять собственные ошибки, также говорит о том, что у него был репетитор. И родители решают, какому репетитору платить. Мне могут возразить родители, что когда на кону судьба ребёнка, они должны строго контролировать его жизнь. Но как же и когда он тогда возьмёт за неё ответственность на себя? Очень важно, чтобы родитель передал ребёнку ответственность за свою жизнь. Это может быть постепенным переходом, при котором учёба становится делом ребёнка, тогда как родители даже не контролируют его.

Если они к этому не готовы, ребёнку нужен испуг. Родители могут даже сами организовать утечку информации, заведя, например, за праздничным столом разговор с другом или родственником. Но это должен быть не просто испуг, а испуг с осознанием того, что я смогу стать хорошим человеком и у меня всё получится. Это должен быть инсайт с осознанием наличия резервов у себя. Такой инсайт возможен лишь в том случае, если подросток разговаривает с родителями, доступными ему в любое время суток, несмотря на то, что завтра у них тоже будет тяжёлый день. **НО**